

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава 1. «ТОВАРИЩ» ПРОТИВ «РОДИНЫ»

Червь сомнения
«Левый» вирус
Красные партизаны
Отверженная левизна
Правда лидера

Глава 2. ПЕРВЫЙ РАСКОЛ

Рассечение ложью
Удары по соратникам
Сопротивление расколу
Треугольник: Глазьев, Rogozin, Путин
Глазьев против «Родины»
Внутренняя бюрократия

Глава 3. ГОЛОДНЫЙ БУНТ

Смысл
Вход

Первая реакция
Противодействие
Волна на волну
Молчание козлов и мычание козлят
Что такое голодовка на самом деле
Борьба с телесной немощью
Игры со смертью
Проверка боем
Жизнь в бреду
Выход

Глава 4. «РОДИНА» НАСТУПАЕТ

Ужесточение позиции
Воронежское противостояние
Рост партии
Ненависть ревнивцев
Политический плагиат
Мы не революционеры

Глава 5. УДАРНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Бить или не бить?
Наступление «свиньей»
Полет свиньи
Власть идет на подлог

Глава 6. ВТОРОЙ РАСКОЛ

Бомба народовольцев под бронепоездом «Родина»

Избавление от крота
Слово предателя
Саморазоблачение
Как народовольцы Родиной торговали

Глава 7. В БИТВЕ ЗА МОСКВУ

Наступление на позиции олигархии
Тайна вырождения
Дерусификация
Олигархия против Родины

Глава 8. «РОДИНА» ПОД ОГНЕМ

Заказуха
Нас записывают в нацисты
Партия власти клеветет
Что стало с вашей совестью? Она утонула!
Последнее наступление

Глава 9. РЕПРЕССИИ И ИЗМЕНА

Олигархия наносит ответный удар
Маневр Рогозина
Соратники становятся противниками
Операция Бабакова. С летальным исходом
Исключение Делягина
Комментарии отпускника
Цыганочка с выходом. «Родина» покидает нас
Ложь изменников
Съезд пораженцев
Политическая помойка

Глава 10. НАСЛЕДИЕ «РОДИНЫ»

Новый проект – новые репрессии
Спецоперация «красных дьяволят»
Принципы бюрократии против принципов права
Выборы и тайна беззакония
Кризис и разруха в головах
Национальный манифест
Ложные наследники
Идеология Великой России

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смерть пугает взрослого человека так же, как ребенка темная комната. Пугает не тем, кто отключаются органы чувств. Ведь сон так не страшит человека. Это экзистенциальный страх зла. Взрослый входит в темную комнату, потому что у него, в сравнении с ребенком, уже есть некоторый опыт зла. Праведник умирает без страха. Его опыт зла превышает среднечеловеческий. Избавившись от бесов в себе, он не ожидает повстречаться с ними, переступая за черту своего физического существования.

Страх – предчувствие беса.

Образованный русский человек знает, как терзали бесы Россию в XX веке. Страх небытия для России – это страх за своих потомков, которым бесы устроят очередную пытку при жизни. Многие в современной России прошли через ад земной – через резню в Чечне, через геноцид в бывших союзных республиках, через издевательства российских чиновников, через криминальный беспредел. В частной жизни мы в достатке вкусили опыт зла. В политике – пока еще нет. Политический бес прикидывается пророком, наместником Бога на земле. И народ, не имеющий достаточного опыта зла, ищет у бесов спасения от частных напастей, веруя, что задрапированный под мессию бес избавит его от ада земного.

Проект «Родина» позволил провести глубинное тестирование как системы власти, так и внутреннего мира тех, кто хотел через этот проект реализовать свои замыслы. Много, очень много открылось включенному наблюдателю. Бесовщина власти – прежде всего. Автор готов поделиться своими наблюдениями и знанием, которое от конкретной фактуры, не известной подавляющему большинству, может возвыситься до полезных уроков тем, кто намерен заниматься политикой и участвовать в борьбе национальных сил против олигархии и бюрократии, добывающих нашу страну. Прагматический подход предполагает знание нюансов как прежнего опыта, так и человеческих типов, с которыми приходится сталкиваться в политике.

Сатлыков-Щедрин с его историей города Глупова – вот что напоминает современная Россия. Вот-вот разразится вихрь мистического ОНО... Нам остается лишь взглянуть в лицо бесам, волочащим Россию к адской жаровне и содрогнуться от омерзительного облика продавших им души дрянных людишек. Кое-кто и глядит, но совершенно спокойно – будто принимая беса за своего знакомого или не узнавая опасности.

Один из ближайших соратников президента помянул не только всем известного бесеныша Смердякова, но и тихого жидка Лямшина – персонажей романа Достоевского, который дал определение главарей этого легиона – «прогрессивные». Иначе – либералы. У нас всё то же, и главари из тех же, и бесовщина та же. Значит, нам проще узнавать зло.

Три источника бесовщины и тогда были понятны: первая волна внешне безобидных тупиц, решивших прикинуться умниками, зарубежная

вольнодумская зараза и решившая поиграться в прогрессизм власть. И теперь все то же: старая политическая рухлядь в лице «шестидесятников», чикагские мальчики из отправленных за границу развлечься сынков партноменклатуры и разложившаяся «элита» (то есть, истинная сволочь), обслуживающая олигархию – власть немногих, потрошащих страну ради личного обогащения.

Симптом бесовщины – полная иррациональность власти. Она с остервенением рубит сук, на котором сидит. Такое впечатление, что главной мыслью власти является уничтожение народа и государства. Что-то объяснить власти невозможно. Там аргументов никто не только не в состоянии понять, но даже не станет слушать. Там слушают только мнение начальства. А начальство либо высказывается надвое, либо находится на отдыхе. Поэтому чиновник творит все, чем ему взбредет в голову, зная точно только одно: никакой пользы стране и народу он приносить не обязан. Поэтому он хуже даже самого отчаянно бесчестного деляги, который хочет лишь одного – набить карманы. Чиновник хочет того же, но совершенно лишен представления о том, что в его действиях должна быть хоть какая-то рациональность. Он исполняет свою функцию предельно бездарно, но за это исполнение требует колоссальных вознаграждений. Он – истинный лодырь и бездарь, но претендует на материальное богатство наравне с талантливым трудоголиком в самом пике успеха. Власть в современной России – это секта очарованных бесами, преисполненных страстью к богатству и праздности.

Симптом бесовщины – утрата грани между добром и злом и отмена страха перед бесчестием. Это всегда было ясно. Но до последнего времени бесы прятались, таились в ночи. Теперь же смешение добра и зла стало бравадой, а бесчестие – чуть ли не «общечеловеческой ценностью». Да нет, без всяких сомнений – истинно общечеловеческой! Такой, которая «общечеловеку» только и присуща.

Век назад нигилистические круги тайно подзуживали в прокламациях: бери нож и режь ближнего, иконы Божии укрась дохлыми крысами, а потом иди и Храм Божий и поджигай, разноси до битого кирпича. Теперь все то же, но открыто – в каждой газете, в телевидении, на радио. Даже без вызова – просто как само собой разумеющееся. Чуть ли не от скуки. Как в мультфильме – часть тела легко отрезать или приставить назад. Или в боевике: бей - не бей, все равно никаких следов побоев на теле не будет. Люди вокруг как резиновые. Конечно, жизнь выглядит так, если у тебя резиновые мозги.

Один «аналитик» разглагольствует: сменилось у нас общество, и теперь не будет государство раздавать жилье и все тут! И плевать, что нет у людей денег, чтобы купить. Принцип такой – никому и ничего даром! А государство мы за чей счет содержим? О том одержимым бесами думать не надо. Потому что они и составляют власть, которая теперь становится своеобразным бизнесом. Никому и ничего даром! То есть, хоть сдохните – ничего!

Да мы уж и так живем как в зверинце, где сколько уже времени не дают корма в достатке. И еще не перегрызли друг друга. И тут вот так цинично нам говорят: грызитесь! Грызитесь, ибо это есть проявление конкурентоспособности! А многие из нас до сих пор еще на что-то надеялись... Теперь прямо и честно сказано: жить вам не положено. Так сказали «прогрессисты», перешагнувшие через совесть и продавшиеся бесам.

Теперь выбор: либо сдохнуть, либо перекусить прутья в нашей общенародной клетке. Конечно, последнее будет неконституционно. Зато легитимно. Легитимность объявим именем той соломинки, за которую ухватимся и перешибем ею хребет бюрократам, ворах и изменникам. Мы думали, что такой соломинкой станет «Родина». Не получилось. Проект утонул как подводная лодка, на которой предательски взорвался собственный боезапас.

Шанс, который мы имели с «Родиной» упущен. Но может возникнуть и другой шанс. Коли выйдет все легитимно, то олигархам и либералам останется только повеситься. Им это будет легко. Ведь с жизнью их связывает только чванство власти и материальные богатства. Без власти, без яхт и дорогих апартаментов и всего подобного, они с жизнью никак не связаны. И поэтому всех, кто этим не владеет, считают не жильцами и подталкивают к суициду. Чем? Обработкой нестойких мозгов: нет у вас никакой жизни, и будущего нет. Лишь бы переселить своих бесов во всех остальных, чтобы народ, обратившись в свиней, наперегонки пустился к обрыву. В том и бесовщина, чтобы все выглядело как «выбор народа» согласно Конституции и «общепризнанным международным нормам». Выбор собственной смерти. Этот выбор либо станет нашим общим с олигархией, уничтожающей страну, либо мы поделимся: они с бесами, мы – со Христом.

В свое время немецкий философ и правовед Карл Шмитт высказал глубокую мысль о систематической аналогии между теологическими и юридическими понятиями. Проводя эту аналогию, всегда можно расшифровать теологическую подоплеку, лежащую сокрыто за сухими формулами законов. Мы вполне в состоянии увидеть, что правовая система России сегодня является прямой аналогией политеизма или пантеизма – диких представлений протухшей и перебродившей свалки уксусно-кислых парарелигиозных идей. Бюрократизация права, которое в соответствии с либеральной догмой направлено не на решение проблем общества, а на создание новых и новых институтов, новых и новых правил для бесплодного «диалога» общества и власти, опирается на разношерстный пантеон правовых «богов» - трактовок общелиберальных формул, склоняемых бюрократией вкривь и вкось по своему усмотрению. Вследствие релятивизма трактовок закона (а прежде всего – догмата Конституции образца 1993 года) мы имеем также коррупционное перерождение всей правоохранительной системы, следствием которого стало обретение корпусом российских судей такой профессиональной характеристики, как крайнее бесстыдство.

Еще одно следствие – чудовищное извращение хозяйственной жизни, которая получает от правовой системы определенный «религиозный» посыл. Если на Западе идет вырождение некогда чрезвычайно продуктивных основ протестантской этики (о чем в своих классических трудах писал Макс Вебер), то в России «свободная игра рыночных сил» приобретает, во-первых, черты нравственного релятивизма (рынок позволяет! и даже требует!); во-вторых, наднациональный характер – не просто беспочвенность, но и антинародность.

Особенно отчетливо политеизм либеральной власти, чудовищно хаотизировавшей российское право и саму жизнь граждан России, проявляется в отношениях с Церковью. Правовому политеизму соответствует распространение по стране разного рода сект, тоталитарных культов, деструктивных форм досуга и явное ущемление национальных форм культуры перед иностранными или близкими к ним модернистскими и постмодернистскими подделками под «культурный прогресс». Значительную роль в жизни России играет отчаянная ксенофобия этнических религий, русофобия власти, изжившей в себе все русское. Не только иудаизм под каждым кустом ищет антисемитов и «русских фашистов» (что есть прямое оскорбление русского православного большинства), но и нетрадиционные для России политизированные формы ислама, источающие террористический ваххабизм и кавказский сепаратизм, а также переносящие на российскую почву совершенно нетипичный для нашей страны палестинский конфликт. Но страшнее всего, все-таки тоталитарная секта во власти. Даже беглый взгляд внутрь этой содомской среды заставляет передернуться от отвращения.

Российское право соединяет в себе пороки советского и постсоветского периода, не приобретая никаких преимуществ. Фальшивая «дружба народов» замещена еще более негодной и уже откровенно русофобской идеологической доктриной о «приватизации этничности» (как вообще коллективность может быть приватизирована?). В правовых документах встречаются утверждения, что равенство прав народов изживает вопрос о национальной принадлежности. Если большевики уничтожили понятие «великоросс», то современное право оказывает, прежде всего, русофобским, а в частности – враждебным каким-либо коллективным идентичностям традиционного типа. Например, соотношением граждан со своим родом-племенем. Эта болезнь безотцовщины (Отца нет, значит каждый сам себе бог!) продолжена в современном российском праве полным изгнанием понятия семьи. Семьи наше право касается только в случае ее разрушения (развод, смерть члена семьи, внебрачные дети и т.д.)

Политеистическая концепция российского права привела Россию к совершенно нетипичной для нее федеративной системе. Сам принцип федерализма, превращенный в своеобразную клятву либеральной догме, тяжело сказался на системе российского государственного права, пораженной вирусом плюрализма суверенитетов и столкновением федерального и регионального законодательных потоков. Догма федерализма убивает

традицию не менее интенсивно, чем догма правового государства. Убивается, прежде всего, имперский мироустроительный импульс, происходящий от «единобожия» правовой системы и священной иерархии государственных и общественных институтов. Россия, избавленная от «имперских амбиций», становится периферийной страной, уже ничего не сулящей миру ни в политике, ни в культуре, ни в хозяйственной жизни. Серость, заурядность страны в полной мере соответствует безжизненности олигархии и серости, бесталанности исходящей от нее властной «вертикали».

Только бесовским соблазном можно объяснить, почему партия чинуш «Единая Россия», получив на выборах 2003 года лишь треть голосов избирателей, сгустилась в парламенте до конституционного большинства, которое считало себя вправе превратить закон в грязную половую тряпку. Они этой тряпки даже не касаются – по факту передали ее группе проходимцев из правительства, которые продолжают калечить Россию своими догмами. В обмен на возобновление в парламенте той же серой массы, которая ежедневно попирает здравый смысл и моральные нормы. Симбиоз дураков и негодяев.

От российской государственной традиции мы, конечно же, имеем своеобразное «единобожие» в образе президента. В то же время российский президент царствует, но не правит. Он зависит от зарубежных «богов», все время оправдываясь перед ними, будучи более ответственен перед мировым общественным мнением (то есть, мнением чужебной прессы), чем перед собственным народом. Он зависит от окружающей его олигархии, которая, кажется, только и держит хозяйственную структуру, готовую рассыпаться во прах, как только в ней надломится «вертикаль» беззакония и коррупции. Он зависит от сатанинской секты, которая навязывает ему свои догматы беспрерывно. Он уверен, что ему досталась очень плохая страна и очень плохой народ, а хороший народ и хорошая страна как-нибудь сами собой образуются, когда этот народ заместится другим – более покладистым и готовым к рабству. Поэтому завоз миллионов иностранцев так бурно пропагандируется. Мол, без чужаков мы не проживем. Мы должны уступить им свою землю, чтобы они позволили нам дожить до старости, а олигархии воспроизвестись в следующей исторической эпохе – построссийской, пострусской.

Традиционное право предполагало куда более точную аналогию священной иерархии. Самодержец Всероссийский как Помазанник Божий – вот был главный символ единства России. И до сих пор память о российских монархах в символической форме нас объединяет. А память о коммунистических Генсеках и либеральных президентах – только разъединяет.

Неправославная рыночная «нравственность» в России больше напоминает различные формы сатанизма – рыночные догматики утверждают социальные отношения, подобные отношениям в банде разбойников-душегубов или в секте садистов-мазохистов. И правовая система своим текучим и многоликим видом, своей внезапной сменой милости и ненависти

по отношению к гражданину все больше напоминает сатанинскую гримасу, ухмылку над горем народа, глумление над страной, непокорной воле завоевателей, но поработанной тайным заговором сектантов.

Союз дураков и подлецов в думском большинстве и его правительстве – это цинизм теплохладных земноводных в человеческом обличье. Все по закону: одержимые бесами могут и хотят погубить страну. И все будут ждать гибели молчком? Да нет, не будут. В свином стаде оказались не все, не все стали холопами олигархии, лишь бы не быть русскими. Русский Бог еще велик. Главное не смешаться с чужебесием и не обречь себя на его неизбежную судьбу. Исторгнувшие из себя бесов смогут сесть у ног Христа и Россию привести к подножию его престола.

Глава 1. «ТОВАРИЩ» ПРОТИВ «РОДИНЫ»

Червь сомнения

Только поражение у политиков всегда сирота. На родительский статус в отношении победы всегда претендуют многие. Мне доводилось слышать немало историй от разных людей, как они создавали «Родину». Что наверняка, так это заинтересованность Кремля и президента Путина в том, чтобы поколебать коммунистическую оппозицию некоей новой и привлекательной силой, которая снизила бы риски для «партии власти», намеревавшейся получить безраздельное доминирование в Думе четверного созыва (2003-2007).

С моей точки зрения, «Родину» как заметное явление в политической жизни создал лично Дмитрий Rogozin. Именно он собрал в пучок разные пожелания, смутные идеи, интриги. Именно благодаря ему проект «Родина» состоялся. Все прочие «родители» избирательного блока «Родина» имели отношение к обсуждениям того, как бы это в партийной системе России занять «цивилизованную левую партию», которая оттеняла бы ретроградную несостоятельность КПРФ. Сопрошения на эту тему в Кремле происходили в разных составах участников, но в конце концов сложился политический тандем – Сергей Глазьев и Дмитрий Rogozin как политической лицо блока и Александр Бабаков и Александр Лебедев как главные финансисты проекта.

С течением времени в первой паре решительно вышел на первый план Дмитрий Rogozin, а во второй паре Александр Лебедев уступил конкурентную площадку незадолго до голосования на выборах в 2003 году. Этот шаг был обусловлен смешением в его деятельности двух жанров – финансирования кампании и одновременного участия в выборах мэра Москвы при поддержке блока. Обе роли сыграть было крайне трудно, а сложность избирательной кампании приводила к разного рода мелким недомолвкам, которые, в конце концов, привели к разрыву с политическим руководством блока. В дальнейшем этот разрыв сыграл роковую роль – тихо и монополично управлявший финансовыми рычагами Александр Бабаков

приучил всех к своей по видимости скромной роли, а потом совершил переворот, которым проект «Родина» был прекращен.

Был в блоке также и теневой руководитель – Юрий Скоков, чья миссия состояла в постоянном примирении всех конфликтов и удерживании политического актива от произвольных действий. Эта миссия давала простор лидерам блока, но впоследствии сказалась на судьбе проекта «Родина» достаточно негативно – свободное участие больших масс населения в этом проекте было подменено бюрократической рутинной, постепенно убившей способность активистов «Родины» к самостоятельной позиции, формируемой идеологией, а не указаниями начальства.

Про себя я достоверно знаю, что я «Родину» не создавал. Когда Дмитрий Rogozin летом 2003 года (кажется, в начале июля) сказал, что мы идем на выборы вместе с Глазьевым, я соотнесся к этому скептически. Этот политик мне не импонировал как «левый», сделавший политическую карьеру за счет коммунистов. Причем, странный «левый», который предпочитал заигрывать с православной общественностью, ранее забредал даже в Конгресс русских общин (КРО), даже получил организацию под свое управление, но так и не приложил рук к черновой организационной работе.

Глазьева я заметил, когда он в 1995 году совершенно неожиданно появился в Конгрессе русских общин. Ни до, ни после Сергей Юрьевич не проявлял интереса к защите русских в России и за рубежом. Будучи углублен в экономические проблемы, он весьма поверхностно был знаком с русским философским наследием, и всякий раз, когда мне доводилось его слушать, свой анализ положения страны он сводил к материальным причинам и процессам. В КРО, а потом в «Родине» его появление было оправданным в порядке создания широкой коалиции, включающей людей с разными взглядами на частности, но с единым государственным мировоззрением. Но Глазьев вряд ли читал программные документы КРО или идеологические статьи своих соратников, которые выходили бы за рамки экономики.

В пользу Глазьева говорили его ранняя докторская степень (несомненно талант!) и уход из правительства Ельцина в октябре 1993 года (несомненно проявление честности!). Но в 1995 все внимание было сконцентрировано на генерале Лебеде, который стал лицом блока и соответствовал ожиданиям избирателей, которые мечтали о сильной фигуре «русского Де Голля». Глазьев почти терялся за фигурами Лебеда, Скокова и Rogozina. Тем не менее, тогда Rogozin пропустил его вперед – в первую тройку избирательного списка, а сам ушел в тень. Казалось, что Глазьев должен привлечь голоса интеллигенции. Но вышло все совсем не так.

Один эпизод избирательной кампании на излете 1995 года стал для меня своеобразным тестом, перекрывающим по значимости все внешние достоинства Сергея Юрьевича. Эпизод этот связан с думской солидарностью, проявленной Глазьевым по отношению к своему коллеге – вечному депутату Павлу Медведеву, в послужном списке которого более всего заметны были теснейшее сотрудничество с разорителем российской экономики Егором

Гайдаром и вечная «работа над законодательством» в области банковского дела, пик которой приходится как раз на период краха финансовых пирамид. Так вот, именно этого человека Глазьев поддержал на выборах в Думу-1995. И не просто поддержал, а высказал свою поддержку в письменном виде – в форме гневного заявления, направленного против соратника по избирательному объединению КРО Сергея Пыхтина, который был одним из основателей этой организации. И в последующем, наше постоянное сотрудничество с Сергеем Петровичем в Конгрессе русских общин не позволяло мне забыть этого эпизода.

Все дело в том, что Пыхтин оказался конкурентом Медведева в московском избирательном округе и позволил себе ехидно проанализировать итоги деятельности «вечного депутата», показав его некомпетентность и полную глухоту к интересам избирателей. Ответный ход Медведева был предпринят силами Глазьева, ударившего по своим. Медведев сходил к Глазьеву с жалобой, а Глазьев подмахнул заявление в поддержку невиданно цепкого депутата, которому суждено было попасть в Думу во все созывы вплоть до текущего (сформированного в 2007 году). Возможно, Глазьев не мог вырваться из пут, которыми был повязан, сотрудничая некоторое время с гайдаровской командой, органичной частью которой был и Медведев.

Тогда мне поведение Глазьева показалось постыдно-неприличным и запомнилось надолго. Даже после того, как я несколько раз столкнулся с Глазьевым на заседаниях Союза православных граждан и послушал его очень толковые рассуждения о национальных особенностях нашей экономики и ее конкурентных преимуществах, которые мы могли бы использовать (прежде всего, восстанавливая традиционную трудовую этику).

Второй эпизод, в котором Глазьев показал себя не с лучшей стороны, состоялся в 2000 году накануне президентских выборов. Тогда на многолюдной конференции Союза православных граждан (СПГ) Глазьев многословно убеждал присутствующих включиться в борьбу за победу коммуниста Геннадия Зюганова. Мне тогда предоставили слово как представителю «еще одного председателя думского комитета, который поддерживает тесные отношения с СПГ» (я был помощником Дмитрия Рогозина, председателя международного комитета Госдумы, а Глазьев – председателем Комитета по экономической политике, поставленным на этот пост КПРФ). Я в крайне резких тонах высказался на тот счет, что православным негоже агитировать или голосовать за нераскаянных большевиков, и если решение в поддержку Зюганова будет принято, ноги моей в СПГ не будет. Последующее обсуждение показало, что Зюганов в этой аудитории поддержки не дождется.

Два указанных эпизода запали мне в душу. И когда Дмитрий Рогозин, с которым меня связывают долгие годы политической борьбы и совместной работы, сказал, что на выборы мы пойдем вместе с Глазьевым, я поморщился и предостерег: «Очень ненадежный человек...». Впрочем, без Глазьева блок «Родина» не мог состояться, поскольку это у меня не было особенных иллюзий на счет Сергея Юрьевича, а у многих других, кто вошел в блок,

такие иллюзии были. И у избирателей они были тоже. Кроме того, я полагал, что могу ошибаться, и неизвестные мне достоинства Глазьева перевешивают его частные недостатки, известные мне лишь в отдельных эпизодах. В конце концов, даже и весьма противный человек волей судьбы может сыграть позитивную роль. Такую роль, как я думал, Глазьев мог сыграть под надзором Rogozina и других весьма достойных людей, втянувшихся в блок.

Среди участников блока, а потом и во фракции «Родина», я мог быть только «рогозинцем». Глазьев стал мне ближе, но ярче высветились и его недостатки. Не только идеологические (он оставался «левым» и совершенно не мог принять риторики традиционалистов и националистов), но и деловые. Глазьев был именно ненадежен и практически не способен к коллективной работе и учету чужих мнений. Что не совпадало с его мнением, было заведомо неправильным. И даже если он не мог или не хотел сформировать своего мнения, чужие идеи и мысли виделись ему преждевременными или ненужными.

Первая «тройка» блока: Валентин Варенников, Сергей Глазьев, Дмитрий Rogozin

Достоинство блока в моих глазах состояло в том, что его списки содержали немало людей, чьи взгляды были нелиберальными и «нелевыми». Там было немало наших соратников по КРО, такие заметные фигуры в патриотическом движении как Александр Крутов, главный редактор журнала «Русский дом» (я сотрудничал с журналом с момента его возникновения), Николай Леонов, Наталья Нарочницкая, Николай Павлов. С этими людьми я был знаком давно, а с Дмитрием Rogozinym – еще с 1992 года, когда мы встретились на Конгрессе гражданских и патриотических сил. В его

позициях у меня не было никаких сомнений, поскольку мы прошли путь десятилетней совместной работы.

При этих достоинствах я не верил, что победа блока возможна. Мне казалось, что власти не дадут нам дойти до избирателя, как они не позволяли это сделать КРО в 1995 и 1999 годах. К социологическим рейтингам и прогнозам я относился скептически. Даже когда за десяток дней до голосования я получил на руки данные опроса, давшие блоку 9%, решил, что это курьез. Я считал, что для нас огромной удачей будет даже 5,5% - преодоление установленного тогда барьера.

Сомнения в победе появились у меня при формировании и презентации блока. Крайне неприятным мне было подключение к блоку Партии Труда – левацкой организации. Она отпала в связи с внутренним конфликтом между руководителями и непомерными запросами на представительство в списке. Удачей было включение в блок партии «Народная воля», которая была мне идеологически близка. Разве что Сергей Бабурин представлялся мне для этой организации чересчур «розовым» (то есть, «левым»). Как и Глазьев, он был выращен в пробирке КПРФ, прежде имел с этой организацией самые тесные контакты, а во взглядах – очевидное наследие «общечеловеческой» идеологии. Основой блока оставалась Партия российских регионов (ПРР) Юрия Скокова. Третьим участников оказалась безвестная Социалистическая единая партия России (СЕПР), переданная с рук на руки Глазьеву от малоизвестного политика Алексея Подберезкина, который, правда, умудрился побывать даже кандидатом в президенты (о чем все уже забыли, но не забыл сам Подберезкин). Глазьев поставил во главе перекупленной партии свою соратницу Елену Мухину, а финансовая и организационная поддержка осуществлялась странной организацией «Спортивная Россия», которая в итоге практически ничего от выборов не получила – ее представители не участвовали в дебатах и депутатских мандатов не снискали. Таким образом, блок оказался крайне разнородным идеологически и рыхлым организационно. Трудно было представить, что «сборная солянка» когда-нибудь начнет работать слаженно.

Скепсиса подбавила презентация блока. Она была организована сумбурно. Случился смешной курьез. Участник ведущей тройки блока генерал Валентин Варенников, представляя других лидеров блока, назвал Сергея Юрьевича Глазьева ошибочным именем – Юрий Глазов. Зал, наполненный журналистами, хохотнул. Все решили, что годы берут свое, и генерал-армии, прославивший себя отказом от амнистии в процессе ГКЧП и оправдательным приговором по этому делу, вряд ли украсит избирательную кампанию. Впоследствии оказалось, что это ошибка. Варенников немало сделал для того, чтобы «Родина» не была заблокирована. Его здравомыслие и сохранившаяся в 80-летнем возрасте выправка вызывали уважение не только у ветеранов. Впоследствии все же Варенников так и не смог разобраться в сложной ситуации в «Родине» и, в конце концов, предпочел следовать рекомендациям, которые ему давали в Кремле.

Проблемы у блока начались сразу. Глазьев, выполняя задачу, поставленную перед ним в Кремле, готов был довериться бесстыдному политтехнологу-авангардисту Марату Гельману и выйти на выборы под эпатажно-пародийным именем «Товарищ». Сломали этот сценарий три фактора: последовательная и тонкая игра Дмитрия Рогозина, постепенно сделавшего блок из левацкого национально-патриотическим; присутствие Сергея Бабурина, в последний момент вошедшего в блок своей партией; и мои скромные усилия – прежде всего, постоянная демонстрация брезгливого неприятия гельмановских «товарищей». Последний фактор, конечно же, имел малое значение, но, как я надеюсь, добавил необходимый вклад в общее дело превращение «Товарища» в «Родину».

Фактически в блоке царило двоевластие. Высший Совет блока во главе с Юрием Скоковым обсуждал и принимал документы, которые избирательный штаб Гельмана в грош не ставил. Напротив, документы штаба в Высшем Совете встречали ожесточенную критику. Помню эпизод, когда Высший Совет принял мои возражения по концепции избирательной кампании, и я поехал в штаб, размещавшийся в гостинице «Аэрополис», доводить позицию ВС до сведения политтехнологов. Вступив в комнату, где за длинным столом сидела молодая поросль гельмановской политтусовки, и не произнеся еще ни слова, я ощутил направленный на меня заряд ненависти. В общих чертах я повторил то, что говорил на Высшем Совете. И тут началось! Самой мягкой фразой в мой адрес было: «А вы, вообще, кто?» Передо мной были самые настоящие бесы.

Вся избирательная кампания блока была соревнованием товарищей-глазьевцев и родинцев-рогозинцев, стремящихся склонить общий стиль и содержание предвыборной агитации в свою сторону. Глазьев, поглотив огромные финансы, поступавшие на 90% со стороны Рогозина, полностью провалил свою часть работы – не только по части реставрации «Товарища», но и по части чисто технической черновой работы. Перехватив у Рогозина, скептически относящегося к эффективности гельмановско-глазьевской «инфраструктуры», работу с регионами и всю наружную рекламу, включая выпуск печатной продукции, Глазьев не смог распорядиться своими полномочиями. Где-то сгнили миллионные тиражи газеты «Товарищ» и газеты «Родина», так и не дошедшие до избирателя. Зато кто-то запомнил кампанию «Родины» 2003 года как невероятную для себя поживу (ставка начальника управления в глазьевском штабе достигала 10 тыс. долларов в месяц, а полностью профинансированная смета оставила после выборов дефицит почти в полмиллиона долларов).

Мне довелось просматривать материалы «товарищей», предназначенные для газеты. Они были ужасны. Прежде всего, полностью лишены какой-либо мобилизующей силы, которая побудила бы избирателей пойти голосовать за «Родину». Сторонники Рогозина попытались выправить ситуацию, но Глазьев не уступал ни запятой. Пришлось оставить это безнадежное дело. Споры по поводу запятых ни меня, ни других соратников Рогозина совершенно не интересовали.

Кампанию блока, в конце концов, вытянул Рогозин, обеспечивший всю телевизионную программу – от изготовления и проката роликов до удачно выбранной для дебатов антиолигархической позиции. Им же была обеспечена лояльность власти, давшей «Родине» шанс на победу и только в последние две недели начавшей «перекрывать кислород» - слишком уж бурно повышался рейтинг «Родины».

«Левый» вирус

Выстраивание второй «левой» колонны на выборах – давняя мечта кремлевских технологов, по-прежнему продолжающих воевать с коммунистами. За кулисами предвыборной борьбы была сформулирована задача расколоть КПРФ силами Глазьева и «технологическими» находками придворного PR-мастера Гельмана. Последний получил под эту задачу значительные средства и упорно добивался именованного блока Глазьев-Рогозина не иначе как «Товарищ». Для этой цели тиражом в 12 млн. была выпущена одноименная газета и создан штаб, навязывающий себя блоку. Каким-то чудом (или тонкой игрой Рогозина) блоку было дано иное имя – «Родина», а Гельман был отодвинут от руководства штабом. Но «товарищеские» замашки продолжали доминировать среди нанятых блоком политтехнологов, которых менять было уже поздно.

В основе раскольнического проекта Кремля лежал застарелый стереотип размежевания «правый-левый», который, судя по социологическим данным, в российском обществе исчез за несколько лет до появления «Родины». Даже если бы Кремлю удавалось минимизировать присутствие КПРФ в Думе, это не решало ни одной проблемы – ни в политике, ни в экономике. Разве что весь демократизм парламента сводился к тому, чтобы только слабые и безвольные коммунисты голосовали против правительственных предложений. Ради подобного смехотворного результата кремлевские комбинаторы позднее растратили колоссальные силы, направив их, чтобы уничтожить «Родину».

Втрое возросший процент голосования «против всех» на региональных выборах и явка, не дотягивающая до 30%, - суровый показатель несостоятельности созданной постельцинистами политической системы. В тот период даже прямая агитация президента за своего протеже на пост губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко дала последней в первом туре голосования лишь 14% голосов избирателей. И никакие победные реляции о том, что Матвиенко оказалась втрое популярнее своего соперника во втором туре голосования, не могли скрыть недоверия граждан к власти. При очевидной нелепости разыгрывания лево-правого противостояния, кремлевские политтехнологи продолжали прежнюю стратегию. Скорее всего, они не могли иначе обосновать расходы на свою деятельность в глазах финансирующего их работу начальства. Начальство другого языка не понимало.

Кремлевские бесенята склонны были имитировать серьезность «левого проекта», зная заведомо, что ничего путного из него не выйдет. Ведь борьба

за «левые» голоса для блока Глазьева-Рогозина была заведомо бесперспективна. Весь «левый» ресурс за пределами КПРФ не превышал 2% от общего числа избирателей. Причем на этот ресурс претендовали практически все ведущие партии, а также виртуальная партия «против всех». Полагать, что блок Глазьева-Рогозина получит в этом секторе предпочтений преимущество, достаточное для победы на выборах, не было никаких оснований. «Товарищ» проваливался с гарантией. И мог послужить либо оправданием разыгранного в глазах публики снижения популярности коммунистов, либо громом отводом, если эта популярность не снизится. В Думе «товарищей» никто не желал и не предполагал увидеть.

Идея сильного социально ориентированного государства без привязки к «левой» доктрине, составляла ресурс до 20% голосов. Полагать, что блок отберет из них половину или даже треть, было совершенно нереально. Для этого пришлось бы иметь мощност агитационной машины, превосходящую мощност «партии власти». Единственная надежда зачерпнуть из этой части электората – сделать действительно яркую избирательную кампанию, в которой «левое» осталось бы лишь на втором плане, в социальных проектах блока, совпадающих с проектами КПРФ, оставленными там Глазьевым. Для этого надо было с «нелевой» энергией изобличать КПРФ в сговоре с олигархами и в имитациях борьбы за народные интересы. Но гельмановские технологи упорно твердили: ни слова против КПРФ! У меня было ощущение, что общаешься с двойными агентами.

Личный ресурс доверия у каждого из лидеров блока фиксировался на уровне 10-15%. Но этот ресурс отражал «потолок» рейтинга, достижимый лишь в случае, если симпатии избирателей оставят других известных политиков. Такой расчет был бы безосновательным. Кроме того, рейтинг доверия к Глазьеву рассчитывался в связи с его членством во фракции КПРФ. Окончательное размежевание с Зюгановым уронило этот рейтинг за счет разочарования сторонников коммунистов. Вернуть его к прежнему уровню могло только сотрудничество с другими членами блока, которое Глазьевым так никогда по достоинству и не было оценено.

Эти обстоятельства говорили о том, что «левая» линия в блоке, обгрызающая края электоратов Зюганова и Явлинского, давала, по самым оптимистическим оценкам, 3-4% голосов. Следовательно, для победы блока надо было рассчитывать на электоральный ресурс второй составляющей, «правой», представленной Рогозиным, Геращенко, Бабуриным и др. Состав блока, судя по лидерам второго плана, был явно «нелевым». В них не было ничего профсоюзно-социалистического. Соглашаясь на кремлевский проект, лидеры блока «Родина» рисковали подмочить репутацию, запачкавшись нелепой «левизной». Но «правая» (консервативная) линия в избирательной кампании реабилитировала их. Они могли говорить на своем политическом языке и привлекать голоса близких им по духу и взглядам избирателей.

Национально-консервативная составляющая блока имела значительно более перспективную позицию, претендуя на рыхлый и многочисленный электорат «Единой России» и сторонников президента. «Линия Рогозина» в

блоке привлекла голоса тех, кто не захотел голосовать за «партию власти», но намерен был поддержать блок «Родина», различая в нем перспективную национальную идею. Репутация Рогозина как твердого государственника и соратника Путина (как спецпредставителя президента по Калининграду) сокращала «левый» потенциал блока, но резко повышала его электоральную привлекательность. В риторике и послужном списке Рогозина находились весьма привлекательные темы: защита соотечественников за рубежом (создание зарубежного избирательного круга), изменение внешнеполитических приоритетов (курс на воссоединение страны), защита прав русского большинства («будет хорошо русским – будет хорошо всем»), защита территориальной целостности России (Калининград, Курилы, Чечня) и др. Разработка этих тем, которыми Рогозин занимался не один год, и выдвижение конкретных инициатив давали богатые пропагандистские возможности. Внесение соответствующей проблематики в избирательную полемику обеспечило взрыв популярности блока, который приобрел черты совершенно нового политического проекта с долговременными перспективами. Он уже не делил электораты других избирательных объединений, а формировал свой электорат.

Две идеологически различные группы, составившие блок, пытались взаимодействовать, но за кулисами входили в достаточно жесткую конфронтацию. Доминирование «левого» фланга блока означало почти неминуемое поражение, усиление консервативного фланга давало надежды на победу. Конфликт между флангами, как оказалось, не так страшен, поскольку тематика выступлений лидеров редко перекрывалась, а некоторые противоречия в позициях для избирателя были малозаметны. Самая большая опасность «левизны» лежала в сфере политтехнологий. Заведомый провал группы Гельмана необходимо было нейтрализовать работой других групп. И это блестяще сделал Рогозин. Бесу прочно прищемили хвост.

Ревнивый Глазьев стоял на страже «левой» идеи, никак не желая впустить в идеологические документы блока национально-государственные идеи и русский национализм. Тем самым его участие в таких организациях, как Конгресс русских общин и Союз православных граждан, выглядело нелепо. Получалось, что проблема глазьевского фрагмента блока не в Гельмане, а в самом Глазьеве – в его мировоззрении и амбициях. Глазьев хотел быть «левым», а потому поначалу ко двору пришелся «троцкист» Гельман. Последний понимал «левизну» скорее в игровом, постмодернистском ключе, в виде этакое политического «стеба». Но это ему прощалось. Не прощен был Гельман за другое – за вторжение в сферу идеологии, где Глазьев считал себя непререкаемым авторитетом. Этот конфликт послужил на пользу «Родине». «Левый» фланг в штабе блока раскололся.

Еще один фактор, подрывавший перспективы блока, – попытка имитировать широкую коалицию, составив ее из малоизвестных и малосильных партий. Разбавление избирательного списка, стеснение себя коалиционными соглашениями и уступками союзникам, разношерстность и

амбициозность лидеров микропартий – все это страшно мешало. Мелкие лидеры получили высокооплачиваемые посты в штабе блока и активно мешали работать, выдвигая собственные инициативы. Ставка на мелкопартийность вылилась в скандал, затеянный известным философским путаником Дугиным, обвинившим блок «Родина» в шовинизме. Его мало кто заметил. Но только потому что скандалы затерялись в хаосе безмерно расточительной деятельности штаба избирательной кампании.

С Александром Гельевичем Дугиным я познакомился буквально за несколько дней до того, как он счел возможным высказаться по мою душу в интервью какому-то информагентству. До того я читал некоторые дугинские книги и статьи, среди которых более ранние мне показались в определенной степени новаторскими – Дугин первым начал пересказывать некоторых европейских философов. Правда, оказалось, что это вольный пересказ. Когда эти философы были переведены на русский язык, а их книги появились в магазинах, писания Дугина и его пересказы мне стали неинтересны, поскольку превратно трактовали первоисточники. Кроме того, его более поздние интерпретации евразийства перешли рамки творческого поиска и превратились в чванливую фанаберию и самозванство. Все это уже было не новаторство, а наглость, которая в ряде случаев переходила в русофобию.

Самолюбование привело Дугина к тяжким страданиям, если задето его самолюбие. А раз оно задето, то дурь выражается в мстительности. В иных людях странно сочетается ум и глупость. В одних аспектах жизни человек проявляет способность к глубокомыслию, демонстрирует неординарность и интеллектуальные достоинства. В других же аспектах он оказывается настолько глуп, что свою некомпетентность, свои завиральные идеи не только не считает возможным скрывать, но смело выносит их на публику и получает репутацию дурака. Личный бес оглушает исходно вполне умного и даже талантливого человека.

Мы были представлены друг другу у кабинета Дмитрия Рогозина, где Дугин ждал аудиенции, что само по себе его все больше раздражало. Случайный разговор коснулся перспектив блока Глазьева-Рогозина. Случайно же Дугин обронил фамилию Гельмана, которого Старая площадь навязала блоку в качестве менеджера. Не зная, что Дугин с Гельманом приятельствуют, я возьми да и скажи: «Я бы этого Гельмана проводил хорошим пинком под зад». Вижу, Дугина начинает корежить. Но сгоряча я еще прошелся по левацкой идеологии, которую также навязывают блоку вместе с пресловутым Гельманом. Дугин и вовсе скособочился, с жаром забормотал, что патриоты у нас проиграли все, а вот левоцентристы очень перспективны. На этой невнятной ноте мы и расстались – мне надо было бежать по делам.

Через несколько дней Дугин выступил с отповедью блоку Глазьева-Рогозина, объявив его фашистским, расистским и шовинистическим. Это была месть за то, что Дугина никуда не пригласили и в список блока не включили. А дальше была то ли месть, то ли просто примитивная дурь, высказанная по моему адресу. Дугин объявил, что в блоке есть некий

«Савельев» (почему-то писалось именно так – в кавычках), который является переводчиком «Майн Кампф». В списках блока «Родина» фамилия Савельев встречалась не единожды. Но как было не отнести пассаж Дугина на свой счет после того, как я затронул его собрата по провокациям и его «левые» ценности!

Надо сказать, что между этими событиями, мне позвонил один из знакомых активистов партии «Евразия» и попросил помощи в том, чтобы довести до Рогозина решение руководящего органа партии о том, что Дугин ведет все переговоры по своей личной инициативе, а не от имени партии. Никаких соглашений с блоком партия подписывать не собиралась, Дугин занимался самодеятельностью.

После публикации дугинского измышления мне очень захотелось поблагодарить Александра Гельевича. Теперь в руководстве блока я стал заметной фигурой – именно на меня пало главное подозрение в недюжинных способностях к переводу. Подозрение, надо сказать, неизбежное – если б я узнал, что человек перевел «Майн Кампф», я бы его скорее зауважал: недурно знает немецкий язык. Но симптоматичное. Идею Дугина о фашизме в блоке позднее подхватил Чубайс. И тем способствовал росту популярности «Родины». Если Чубайс говорил, что в блоке засели фашисты, то избиратели понимали: за этот блок как раз и надо голосовать. Используя поглупевшего философа, в игру вступил крупный бес.

На старте избирательной кампании в блоке Глазьев-Рогозин доминировала «левая» линия. Глубокие реверансы в адрес КПРФ и даже раздел с компартией одномандатных округов, с одной стороны, служили тупиковому курсу на раскол «левых» сил, с другой – отталкивали от блока «нелевый» электорат, который только и мог обеспечить блоку «Родина» победу. Дальнейший успех состоял в том, что «товарищи» практически не появились на телеэкранах. Команда Рогозина, сам он в личном качестве сделали главное – «Родина» была воспринята избирателями как нечто «нелевое», а вполне разнообразное, интересное в своих образах, символах, персонах. Русский патриот поддержал «Родину» не ради «левого» Глазьева, а ради русских националистов, русских государственников, которых в списке блока было значительно больше, чем «левых». Других сил, которые хоть в какой-то мере отражали бы русские национальные интересы, в предвыборном раскладе не существовало.